

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10051

ГОСУДАРСТВА С ОГРАНИЧЕННЫМ ПРИЗНАНИЕМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ЧЕРТ

Ватаняр Саидович Ягья

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Ирина Александровна Антонова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 26 июля 2018</p> <p><i>Принята к печати:</i> 3 июля 2020</p>	<p>Аннотация: Для полноценного участия в мирополитических процессах, в том числе, в мирном урегулировании конфликтов, российской дипломатии необходимы собственные критерии взаимодействия с государствами, имеющими ограниченное признание. В данной статье выявляются основные российские подходы к данному феномену, выясняется, означает ли признание Москвой независимости Южной Осетии и Абхазии при одновременном непризнании Косово трансформацию российской внешнеполитической позиции, или же ее можно рассматривать как уникальную в каждом отдельном случае. Выделяя два типа реализуемых на практике членами мирового сообщества подхода к сепаратистским образованиям, правовой и геополитический, авторы приходят к выводу о преобладании в российской внешней политике второго из них. В отношении Косово, Палестины, Южной Осетии и Абхазии Москва придерживается первого подхода. Учитывается также приоритетность того или иного сепаратистского образования в политике Кремля. Официальные внешнеполитические документы и заявления свидетельствуют о строгой приверженности Москвы принципу территориальной целостности и нерушимости государственных границ. В заключении авторы приходят к выводу о необходимости гибкого рассмотрения Москвой каждого сепаратистского образования в индивидуальном порядке как наиболее продуктивного варианта.</p>
<p>Об авторах:</p> <p><u>Ягья В.С.</u>, профессор, заведующий кафедрой мировой политики СПбГУ, Заслуженный деятель науки Российской Федерации</p> <p>e-mail: v.yagya@spbu.ru</p> <p><i>Антонова И.А.</i>, доцент кафедры мировой политики СПбГУ, Факультет международных отношений</p> <p>e-mail: ira-antonova@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>государства с ограниченным признанием; непризнанные государства; сепаратистские образования; внешняя политика России; самоопределение; территориальная целостность; дипломатическое признание</p>	

В мировой политике в конце второго десятилетия XXI века происходят глобальные изменения. Они касаются как процесса формирования многополярного мира, так и важнейших сдвигов в межгосударственных отношениях и появления большого числа неправительственных акторов, чье влияние неуклонно растет. Одновременно происходят события, которые все больше убеждают наблюдателей, экспертов и ученых в том, что

к концу текущего столетия число независимых государств на политической карте мира увеличится: есть даже предположение, что их станет не менее пятисот против нынешних почти двухсот¹. Многие страны борются

¹ Никонов В.А. Россия в поиске места в мире // Вестник РАМИ. 2001. № 2. С. 21. [Nikonov, V.A. Rossiia v poiske mesta v mire (Russia in a Search of its World Status) // *Vestnik RAMI*, 2001, No. 2, p. 21.]

за повышение своего статуса в мире. Яркий пример тому Россия, которая в результате активной самостоятельной внешней политики и внутреннего небывалого развития вновь выдвинулась в число великих государств, играющих одну из самых выдающихся ролей на Земном шаре.

В текущее время выяснилось, что процессы глобального выхода той или иной страны на ведущие позиции в мире сопровождаются серьезными угрозами. Это, как верно говорит академик А. Арбагов, «прежде всего, международный терроризм, этнический и религиозный экстремизм, который вылился сейчас в региональные войны, причем достаточно масштабные, с огромными жертвами»². В этих условиях рождаются идеи новых государственных формирований, особую опасность среди которых некоторое время назад представляло «Исламское государство», которое создало трансграничное и транснациональное образование со всеми атрибутами современного государства³.

Вблизи российских границ на данный момент, по крайней мере, шесть образований, независимость и суверенитет которых оспаривается мировым сообществом (Нагорно-Карабахская Республика, Республика Южная Осетия, Абхазия, Приднестровская Молдавская Республика, Луганская и Донецкая Народные Республики). Кроме того, Российская Федерация в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН непосредственно вовлечена

² Цит. по: Соломонова Ю. Интервью с Алексеем Арбаговым. Кому снова нужна холодная война // Независимая газета. 2018, 27 февраля. [Cit. ex: Solomonova, I. Interv'iu s Alekseem Arbatovym. Komu snova nuzhna kholodnaia voina (Interview with Alexey Arbatov. Who Wants the Cold War Again) // *Nezavisimaia gazeta*, 2018, February 27.]

³ Шлыков П.В. «Исламское государство» как вызов нормативности западной модели общественного и государственного устройства // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 3. С. 16-17. [Shlykov, P.V. «Islamskoe gosudarstvo» kak vyzov normativnosti zapadnoi modeli obshchestvennogo i gosudarstvennogo ustroistva (The Islamic State as a Challenge to the Western Model of Social and Political Order) // *Aktual'nye problemy Evropy*, 2016, No. 3, pp. 16-17.]

в процесс урегулирования конфликтов на Кипре, в Косово, в Палестине и т.д. Все это обуславливает необходимость выработки Москвой политической позиции в отношении территориальных образований, претендующих на суверенный статус, в глобальном и внутристрановом контексте. Исходя из практических внешнеполитических шагов, предпринимаемых российскими властями, можно сделать вывод о том, что феномен государств, независимость которых оспаривается, представляется важным и актуальным с точки зрения российских национальных интересов и государственной, региональной и глобальной безопасности. В то же время, вырисовывается необходимость построения особой стратегии, основанной на серьезных научных исследованиях. Тем более, Москва признает суверенитет Южной Осетии и Абхазии, вступая с ними в юридически оформленные договорные отношения, и в то же самое время касательно судьбы Нагорного Карабаха выступает за достижение соответствующих договоренностей Азербайджана и Армении и их одобрение, поддержку и признание. Разнообразие подходов наблюдается и в отношении и других «непризнанных». Так, например, православный фактор играет немаловажную роль в поддержке Россией Республики Кипр в отношении фактически отколовшейся от нее Турецкой Республики Северного Кипра.

Понятие «непризнанное государство» широко распространено в политическом и академическом дискурсе. Оно служит неким общим знаменателем для суждений об этом феномене в современном мироустройстве. Использование данного термина, отражающего аспект значительной ограниченности в признании (например, Турецкой Республики Северного Кипра) или абсолютного непризнания (например, Луганской и Донецкой республик) в мировом сообществе, позволяет освещать все многообразие подходов к понятию государственного образования, независимость и суверенитет которого оспаривается ООН или большинством стран мира. Однако с точки зрения внешней политики любого признанного государства в отношении признания не может быть полумер: независимость нового образования либо при-

знается, либо нет. В то же время, в научном контексте данный феномен может быть исследован многоаспектно, поэтому, чтобы не фокусироваться лишь на факте признания, применительно к официальной позиции России далее будет использоваться более нейтральный термин “сецессионистское образование”, который означает, что территория в одностороннем порядке вышла из-под суверенитета признанного государства.

В международном праве нет конкретных критериев и условий, необходимых для создания нового государства и численных показателей для отнесения его к признанным. Так, в научной среде существует две теории относительно вопроса признания независимости государств – конститутивная и декларативная. Согласно первой, государства не существует без формального признания его другими государствами. Сторонники декларативной теории полагают, что для правосубъектности государства не требуется международного признания⁴. Не дает однозначного ответа на вопрос о конкретных критериях для создания новых государств и необходимости их признания и принцип международного права о самоопределении народов, поскольку он не учитывает возможности возникновения нового государства не на этнической основе, а на лингвистической, идеологической, конфессиональной и т.п.

На практике окончательное признание государства подтверждается его принятием в состав ООН в качестве полноправного члена. Другими словами, если ни один из постоянных членов Совета Безопасности ООН не выступает против независимости нового государства, а затем Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию хотя бы простым большинством, то моло-

дое государство с этого момента формально считается признанным вне зависимости от того, сколько именно дипломатических признаний оно получило со стороны членов мирового сообщества. Так, Н.А. Добронравин предлагает в качестве критериев для отличия признанного государства от непризнанного выбрать скорость их признания и членство в ООН, а признание со стороны бывшей метрополии считает важным условием перехода непризнанных государств в группу суверенных⁵. В то же время, не исключено, что остальные члены ООН, не поддерживавшие независимость нового государства, так и будут считать его непризнанным.

Таким образом, ввиду отсутствия в современном международном праве систематизированного нормативного института и каких-либо четких критериев признания, признанные государства в каждой отдельной ситуации вынуждены прорабатывать позиции с нуля, опираясь на свои национальные интересы. В случае, когда новое государство является результатом одностороннего провозглашения независимости, любой признанный член ООН сталкивается с дилеммой, каким из основополагающих принципов международного права придется пренебречь: принципами территориальной целостности и нерушимости государственных границ или же правом народов на самоопределение. На практике, когда новое государство провозглашает независимость на двусторонней основе (то есть с согласия государства, от которого отделяется), то мировое сообщество признает его беспрепятственно (примеры Черногории, Южного Судана и т.д.). Проблемы с признанием возникают в случае односторонних действий со стороны отделяющейся части

⁴ Сквозников А.Н. Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: право. 2011. № 2. С. 8. [Skvoznikov, A.N. Fenomen nepriznannykh i chastichno priznannykh gosudarstv i osobennosti ikh pravosub'ektnosti (Phenomenon of Unrecognized and Partially Recognized States and Main Features of Their Legal Capacity)] // *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: pravo*, 2011, No. 2, p. 8.]

⁵ См.: Добронравин Н.А. Непризнанные государства в “серой зоне”: основы выживания и правила суверенизации. Санкт-Петербург, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 56 с. [Dobronravin, N.A. *Nepriznannye gosudarstva v “seroi zone”: osnovy vyzhivaniya i pravila suverenizatsii (Unrecognized States in the Shadow: Survival and Sovereignization)*. St.Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2011. 56 p.]

(Косово, Приднестровье и т.д.). При этом центральная власть распадающегося государства апеллирует к приоритету принципа территориальной целостности по отношению к праву на самоопределение⁶. В этой ситуации речь уже заходит о потенциально непризнанном или частично признанном государстве, и каждый член мирового сообщества должен выбрать, кого поддержать: центральные власти или сепаратистов. В большинстве случаев выбор делается в пользу первых, поскольку признанные государства стремятся избежать сепаратизма на своей территории, санкций, обвинений в поддержке терроризма и экстремизма. Все это и приводит к тому, что институт признания фактически базируется на отдельных прецедентах, а не на совокупности юридических норм.

Именно поэтому комплексный подход к изучению проблем сепаратистских образований крайне важен для понимания и формулирования национальных интересов России, а также в целях повышения ее политического престижа и авторитета на мировой арене, в том числе, ввиду вовлеченности в процессы урегулирования многих межэтнических конфликтов.

Ранее было выяснено, что, в политическом и правовом ракурсе непризнанным государством можно назвать, во-первых, если его независимость провозглашена в одностороннем порядке, во-вторых, если оно не может быть принято в ООН на правах полноправного члена. Кроме того, каждое признанное государство решает для себя, признавать или не признавать такое образование. Так, Турецкая Республика Северного Кипра является признанным государством с позиции Турции, в то время как все остальные члены мирового сообщества рассматри-

вают его как непризнанное (именно в таких ситуациях видится более уместным использование термина “сепаратистское образование”).

В большинстве исследований, в которых даются определения феномену непризнанного государства, встречается его трактовка сквозь призму позитивного и негативного суверенитета. Напомним, что под позитивным суверенитетом принято понимать способность государства контролировать свою территорию и удовлетворять нужды населения, а под негативным – номинальное признание со стороны других государств и свободу от вмешательства извне⁷. Таким образом, любые государства можно условно разделить на две группы: обладающие обоими видами суверенитета (признанные мировым сообществом государства) и обладающие либо только позитивным, либо только негативным суверенитетом (собственно, сепаратистские образования: Турецкая Республика Северного Кипра, Приднестровская Молдавская Республика, Республика Косово и т.д.).

Наибольший интерес непризнанные государства вызывают в подавляющем большинстве случаев у американских исследователей. При этом они рассматривают подобные образования не в контексте признания, а в контексте управляемости. Интересно также, что в США данное понятие изучается, вне зависимости от географического расположения территории, с точки зрения национальной безопасности США. Так, Р. Ротберг⁸,

⁶ Климашевская О.В. Столкновение политических феноменов: право на самоопределение народа и территориальная целостность государства // *Власть*. 2018. № 2. С. 57. [Klimashevskaya, O.V. Stolknovenie politicheskikh fenomenov: pravo na samoopredelenie naroda i territorial'naya tselostnost' gosudarstva (The Clash of Political Phenomena: the Self-Determination of the People and the Territorial Integrity of the State) // *Vlast'*, 2018, No. 2, p. 57.]

⁷ Кузнецов А.С. “Надкушенный суверенитет”: проблема категории “суверенитет” // *ПОЛИТЭКС*. 2006. № 3. Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/264/30/> [Kuznetsov, A.S. “Nadkushennyi suverenitet”: problema kategorii “suverenitet” (Limited Sovereignty: an Issue of the Categorization). *POLITEKS*, 2006, No. 3. Mode of access: <http://www.politex.info/content/view/264/30/>]

⁸ См.: Rotberg, R. Failed States in a World of Terror // *Foreign Affairs*, July-August, 2002. Mode of access: <http://ebookbrowse.com/rotberg-failed-states-in-a-world-of-terror-foreign-affairs-pdf-d46515683>

Р.Д. Лэм⁹, Т. Говард¹⁰, А. Кланен¹¹, Б. Станиславски¹², А. Рабаса¹³ используют термин “неуправляемые территории” (ungoverned territories), “квази-государства” (*quasi states*), “несостоявшиеся государства” (*failed states*) и т.п., акцентируя на потере центральными властями контроля над частью своей территории. Таким образом, непризнанные государства выступают лишь частным случаем несостоявшихся, а значит, опасных и неконтролируемых. Во внимание не принимается вероятность того, что сепаратистское образование может успешно (или относительно успешно) управляться и контролироваться местными самопровозглашенными властями, а также поддерживаться местным населением. Например, Южная Осетия и Абхазия могут приравниваться к Сомалиленду¹⁴. Такой подход объясняется самой сущностью не контролируемой центральными властями территории, а, следовательно, потенциально нездоровой и несущей угрозу безопасности.

В то же время, можно выделить груп-

пу западных исследователей, чьи подходы к понятию непризнанного государства значительно ближе к российским. Так, например, С. Пегг¹⁵, Н. Касперсен¹⁶, Д. Линч¹⁷ прибегают к термину “де факто государство” (*de facto state*), под которым подразумевают отделившуюся часть какого-либо признанного государства, желающую получить признание со стороны мирового сообщества, имеющую эффективное местное руководство и поддерживаемую местным населением. Румынский политолог Н. Попеску использует похожие определения¹⁸ и подчеркивает, что подобные образования, будучи не признанными и изолированными, не могут существовать без поддержки извне и, провозгласив свою независимость от метрополии, вновь становятся зависимыми, но уже от “спонсора”¹⁹ (как, например, Косово зависит от ЕС и НАТО, а Южная Осетия и Абхазия – от России). Таким образом, упомянутая выше группа американских и европейских исследователей апеллирует уже к проблеме самоуправления сепаратистского образования. Тем не менее, оба указанных подхода характеризуют феномен непризнанного государства только с одного ракурса – управляемости (управляемости со стороны метрополии либо самоуправления), что делает их неполными. Таким обра-

⁹ См.: Lamb, R.D. *Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens*. Final Report of the Ungoverned Areas Project Prepared for the Office of the Under Secretary of Defense for Policy, 2008. Mode of access: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA479805>

¹⁰ См.: Howard, T. *The Tragedy of Failure: Evaluating State Failure and Its Impact on the Spread of Refugees, Terrorism and War*. Santa Barbara, Praeger, 2010. 156 p.

¹¹ См.: Clunen, A.; Trinkunas, H. *Ungoverned Spaces: Alternatives to State Authority in an Era of Softened Sovereignty*. Stanford, Stanford Security Studies, 2010, 324 p.

¹² См.: Stanislawsky, B.H. *Mapping Global Insecurity // The National Strategy Forum Review*, 2010, Vol. 19, No. 4. Mode of access: <http://nationalstrategy.com/Portals/0/documents/Fall%202010%20NSFR/B.%20Stanislawski-Black%20Spots.pdf>

¹³ См.: Rabasa, A.; Borazm S.; Chalk, P.; Cragin, K.; Karasik, T.W. *Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks*. RAND Corporation, Santa Monica, 2007, 398 p. Mode of access: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2007/RAND_MG561.pdf

¹⁴ Stanislawsky, B.H. *Mapping Global Insecurity // The National Strategy Forum Review*, 2010, Vol. 19, No. 4. Mode of access: <http://nationalstrategy.com/Portals/0/documents/Fall%202010%20NSFR/B.%20Stanislawski-Black%20Spots.pdf>

¹⁵ См.: Pegg, S. *The Impact of De Facto States on International Law and the International Community*. Mode of access: <http://www.unpo.org/images/professor%20scott%20pegg.pdf>

¹⁶ См.: Caspersen, N.; Stansfield, G., eds. *Unrecognized States in the International System / Unrecognized States in the International System*. New York, Routledge, 2011. 253 p.

¹⁷ См.: Lynch, D. *Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States*. Washington, United States Institute of Peace, 2004, 170 p.

¹⁸ См.: Popescu, N. *Europe's Unrecognised Neighbours: The EU in Abkhazia and South Ossetia*. CEPS Working Document No. 260. March 2007. Mode of access: <http://www.ceps.eu/book/europes-unrecognised-neighbours-eu-abkhazia-and-south-ossetia>

¹⁹ Popescu, N. *'Outsourcing' de facto Statehood. Russia and the Secessionist Entities in Georgia and Moldova*. Mode of access: <http://www.ceps.eu/book/outourcing-de-facto-statehood-russia-and-secessionist-entities-georgia-and-moldova>

зом, различий между успешными сецессионистскими образованиями, обладающими всеми признаками государственности за исключением признания, и криминальными республиками не делается.

Наконец, ключевым отличием российского академического подхода является характеристика сецессионистского образования, основанная на трех индикаторах – самоуправляемости, устойчивости или успешности как потенциального государства, признании со стороны мирового сообщества. Так, С.М. Маркедонов использует термин “государство де-факто”, под которым подразумевает образования, существующие в течение длительного времени и демонстрирующие внутри- и внешнеполитическую динамику²⁰. Аналогичного подхода придерживается Ф. Попов, называя де-факто государством наиболее развитую, устойчивую и политически активную форму фактической сецессии²¹. Н.А. Добронравин обращается к наиболее распространенному термину “непризнанное/частично признанное государство”, давая феномену следующее определение: политические образования, претендующие на статус суверенного государства, имеющие определенный объем международной деятельности, не признанные или частично признанные государствами-членами ООН²².

²⁰ Маркедонов С. Государства de facto / Агентство политических новостей, 2006-11-14. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article10896.htm>. [Markedonov, S. Gosudarstva de facto (De Facto States) / Agentstvo politicheskikh novostei, 2006-11-14. Mode of access: <http://www.apn.ru/publications/article10896.htm>]

²¹ Попов Ф. От “безгосударственной территории” к “государству де-факто” // Международные процессы. 2011. № 2 Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/003.htm>. [Popov, F. Ot “bezgosudarstvennoy territorii” k “gosudarstvu de-fakto” (From Ungoverned State to De Facto State) // *Mezhdunarodnye protsessy* // 2011, No. 2. Mode of access: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/003.htm>]

²² Добронравин Н.А. Новые регионы и внешняя политика непризнанных государств / под ред. В.С. Ягья, М.Л. Лагутиной. СПб.: СПбГУ, 2011. Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Выпуск 5. С. 62-71. [Dobronravin, N.A. *Novye regiony i vneshnyaya*

Важно отметить, что в российской академической среде этот феномен еще мало изучен, причем большинство исследователей фокусируются либо на конкретных примерах непризнанных государств, особенно на постсоветском пространстве и Косово, либо на проблеме коллизии принципов территориальной целостности, нерушимости государственных границ и права народов на самоопределение. В гораздо меньшей степени исследуется феномен в целом.

Обращаясь к политике признанных государств в отношении Приднестровья, Северного Кипра, Нагорного Карабаха, Южной Осетии, Абхазии, Косово и т.п., применительно к ним целесообразно использовать термин “государства с ограниченным признанием”, дабы разграничить их с другими сецессионистскими образованиями наподобие Сомалиленда, Джубаленда и т.п. Под данным термином здесь и далее подразумевается следующее: политические образования, провозгласившие независимость в одностороннем порядке и претендующие на статус суверенного государства, по возможности осуществляющие международную деятельность, признанные некоторыми государствами-членами ООН или не признанные вовсе, обладающие относительно эффективной и устойчивой системой управления и полностью или почти полностью контролирующей свою территорию. Само понятие “государство с ограниченным признанием” видится, “во-первых, указывающим на значительную долю фактической самостоятельности и эффективности местных властей, а во-вторых, – нейтральным в отношении вопроса признания, поскольку, как уже было отмечено выше, правовых или количественных параметров признания в современном мире не существует, и этот аспект вовсе не является единственной характеристикой изучаемого феномена и не отражает его жизнеспособность”²³. Так, на-

politika nepriznannykh gosudarstv (New Regions and Foreign Policy of Unrecognized States) // *Aktual'nye problemy mirovoi politiki*. Ed. by V.S. Yagya, M.L. Lagutina. St.Petersburg: Saint Petersburg State University, 2011, pp. 62-71.]

²³ См.: Антонова И.А. Политологический анализ позиции Российской Федерации в отношении

пример, Приднестровье вот уже 27 лет демонстрирует миру эффективность управления, организованную политическую власть, контроль государственной границы и т.д.²⁴. Говоря о Луганской и Донецкой Народных Республиках, важно отметить, что, хотя период их существования еще слишком короток для отнесения их к группе устойчивых политических образований с ограниченным признанием, тем не менее, каждое из них находится в стадии серьезных политических трансформаций и преобразований на пути к самостоятельно функционирующему государству. Особым случаем также видится Палестина, которая, несмотря на широкое признание со стороны мирового сообщества, на практике все еще далека от государства с ограниченным признанием.

Члены мирового сообщества во внешней политике по отношению к сецессионистским образованиям придерживаются двух подходов:

1. правовой подход, согласно которому государство, провозгласившее свою независимость в одностороннем порядке, либо не признается, и отрицается его де-факто существование (как, например, Китай отрицает фактическую независимость своей провинции Тайвань), либо, наоборот, происходит де-юре и де-факто признание (Россия и Южная Осетия, Абхазия);

2. геополитический подход, согласно которому сецессионистское образование юридически не признается, но допускается сам факт его существования, что может включать в себя как понимание и даже по-

пытку содействия решению проблем, с которыми образование сталкивается (например, изоляция), так и неформальные контакты (США и Тайвань).

Государства с ограниченным признанием в векторе внешней политики России можно условно разделить на три группы: группу высокой значимости, группу особой значимости и группу обычной значимости.

В первую группу входят образования на постсоветском пространстве (Приднестровская Молдавская Республика²⁵, Нагорно-Карабахская Республика, Республика Южная Осетия, Республика Абхазия, Луганская и Донецкая Народные Республики). Состав этой группы объясняется приоритетностью постсоветского пространства во внешней политике России и непосредственной близостью данных образований к российским границам. Эти сецессионистские образования постоянно находятся в фокусе внимания Москвы, их проблемы регулярно обсуждаются на различных уровнях, само их существование отражается в официальных заявлениях и документах и оказывает влияние на формирование официальной внешнеполитической линии. Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье и Нагорный Карабах не представляют какой-либо угрозы для российской национальной безопасности (за исключением потенциальной возможности осуществления силовых попыток восстановления метрополиями контроля над ними), поскольку представляют собой де-факто государства с ограниченным признанием.

Вторая группа включает в себя Палестину, Косово и Турецкую Республику Северного Кипра ввиду особой традиционной геополитической значимости Ближневосточного и Балканского регионов, а также Восточного Средиземноморья.

конфликтов в Косово и на Кипре. Дисс. канд. полит. наук. СПб. 2013. 208 с. [Antonova, I.A. *Politologicheskij analiz pozicii Rossijskoj Federacii v otnoshenii konfliktov v Kosovo i na Kipre*. Diss. kand. polit. nauk (Russian Federation Stance towards Conflicts in Kosovo and Cyprus. Political Analysis. PhD Diss. (Political Science)). St.Petersburg, 2013, 208 p.]

²⁴ Галинский Я.О. Политический статус Приднестровской Молдавской Республики и ее политических институтов // *Власть*. 2018. № 2. С. 125. [Galinskii, I.O. *Politicheskii status Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki i ee politicheskikh institutov* (Political Status of the Pridnestrovian Moldavian Republic and Its Political Institutions) // *Vlast*, 2018, No. 2, p. 125.]

²⁵ См.: Лару Дм., Забродин А. Мягкая интеграция // *Известия*. – 2018 – 28 февраля – С. 3. [Laru, Dm.; Zabrodin, A. *Miagkaia integratsiia* (The Soft Integration) // *Izvestiia*, 2018, February 28, p. 3.]; Гамова С. Гагаузы достают из подвалов автоматы // *Независимая газета*. 2018. 28 февраля. С. 1, 5. [Gamova, S. *Gagauzy dostait iz podvalov avtomaty* (The Gagauzes Pull Guns) // *Nezavisimaia gazeta*, 2018, February 28, pp. 1, 5.]

Остальные современные государства с ограниченным признанием (Сахарская Арабская Демократическая Республика, Китайская Республика Тайвань и т.д.) можно отнести к третьей группе. Существование этих непризнанных государств в меньшей степени влияет на формирование российской внешней политики, чем образований из первой и второй групп.

Россия официально признает лишь три из ныне существующих государств с ограниченным признанием – Палестину, Южную Осетию и Абхазию, в отношении статусов остальных она придерживается жесткой позиции непризнания. Тщательный анализ текстов российских официальных документов и внешнеполитических заявлений демонстрирует широкий спектр обозначений в отношении сепаратистских образований, не признанных Москвой: “провозглашенное в одностороннем порядке”²⁶, “квазигосударство”²⁷, “квазине-зависимое государство”²⁸, “так называемое

государство”²⁹ (преимущественно, в отношении «Исламского государства»); “незаконно провозглашенное государство”³⁰; “самопровозглашенное государство”³¹ (преимуще-

Meeting on Kosovo Settlement, New York, July 25, 2008. Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/en/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/329784

²⁶ Заявление МИД России по Косово 216-17-02-2008 / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/348618. [Zaiavlenie MID Rossii po Kosovo 216-17-02-2008 (Russian Ministry of Foreign Affairs Statement on Kosovo 216-17-02-2008) / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/348618]

²⁷ Обзор МИД России «Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2015 году» / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2255624 [Obzor MID Rossii «Vneshnepoliticheskaia i diplomaticheskaia deiateľnost' Rossiiskoi Federatsii v 2015 godu» (Russia's Foreign Policy and Diplomatic Activity. The Official Survey by The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation) / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2255624]

²⁸ Statement by Vitaly Churkin, Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations, at the UN Security Council

²⁹ Выступление Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на встрече министров иностранных дел стран-участниц Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Пекин, 28 апреля 2016 года / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2256996. [Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova na vstreche ministrov inostrannykh del stran-uchastnits Soveshchaniia po vzaimodeistviu i meram doveriia v Azii, Pekin, 28 apreliia 2016 goda (Foreign Minister Sergey Lavrov's speech at a meeting of foreign ministers of countries that are parties to the Conference for Interaction and Confidence Building Measures in Asia, Beijing, April 28, 2016) / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2256996]

³⁰ Transcript of Remarks and Replies to Media Questions by Russian Minister of Foreign Affairs Sergey Lavrov at Joint Press Conference with Israeli Minister of Foreign Affairs Tzipi Livni, Tel Aviv, March 20, 2008 / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/en/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/344806

³¹ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на второй международной конференции «Средиземноморье: римский диалог», Рим, 2 декабря 2016 года / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2544495 [Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannykh del Rossii S.V.Lavrova na vtoroi mezhdunarodnoi konferentsii «Sredizemnomor'e: rimskii dialog», Rim, 2 dekabria 2016 goda (Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and answers to questions at the Mediterranean Dialogues Conference, Rome, December 2, 2016) / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

ственно, в отношении Луганской и Донецкой Народных Республик) и т.п. Подобные характеристики лишь подтверждают жесткую позицию России в отношении непризнания независимости подобных сецессий и отражают приверженность уважению территориальной целостности соответствующих дезинтегрировавшихся исходных государств.

Заявления российских властей и официальных представителей демонстрируют разнообразие “терминов”, применяемых по отношению к Косово, и в то же время весьма сдержанный их набор применительно к большинству остальных образований (Турецкая Республика Северного Кипра, Приднестровье и др.). Эта особенность отражает особую непримиримую позицию в отношении односторонней независимости Косово, что может быть объяснено специфичностью косовской проблемы в целом. Во-первых, США и их союзники, оказывая поддержку Косово при провозглашении его односторонней независимости, апеллировали к “уникальности” этого случая, ссылаясь, как известно, на общий контекст распада Югославии, этнические чистки и религиозные преступления в отношении косовских албанцев, а также длительный период нахождения территории под управлением администрации ООН. Подобная ситуация вокруг Косово сложилась отчасти из-за продолжающегося противостояния между США и Россией в геополитически важном Балканском регионе. Во-вторых, помощь и поддержка православных сербов стала своеобразной исторической традицией в рамках политики России с очень давних времен. Таким образом, даже если Косово, согласно российской официальной позиции, не уникально в контексте провозглашения независимости, то оно уникально с точки зрения его влияния на внешнюю политику Москвы ввиду геополитического соперничества и столкновения российских и американских интересов.

Еще одним “особым случаем” в российской внешней политике в отношении сецессионистских образований являются Южная Осетия и Абхазия, содействие становлению ко-

торых в качестве демократических государств, а также укреплению их международных позиций стало одним из фиксированных приоритетов во внешнеполитических концепциях Российской Федерации 2013³² и 2016 годов³³. Некоторые отечественные исследователи (П.Е. Кандель³⁴, С.А. Караганов³⁵, П.А. Цы-

³² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) (утратила силу) / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186 [Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putinyam 12 fevralia 2013 g.) (utratila silu) (Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on February 12, 2013) (terminated)] / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186

³³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248 [Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putinyam 30 noiabria 2016 (Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on February 12, 2013) / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248]

³⁴ См.: Кандель П.Е. Косовский прецедент и постсоветские конфликты // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 3. С. 19-38. [Kandel, P.E. Kosovskii pretsedent i postsovetskie konflikty. (Kosovo Precedent and Conflicts at Postsoviet Area) // *Aktual'nye problemy Evropy*, 2009, No. 3, pp. 19-38.]

³⁵ См.: Караганов С. России везет // Россия в глобальной политике. 7 марта, 2011. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Rossii-vezet-15132> [Karaganov, S. Rossii vezet (Russia is Lucky) // *Rossiia v global'noi politike*, 7.03.2011. Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Rossii-vezet-15132>]

Mode of access: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2544495

ганков³⁶) рассматривают признание Москвой независимости данных республик как закономерный ответ на политику Запада относительно одностороннего провозглашения независимости Косово. Среди других объективных причин – обоснование права двух народов на самоопределение вследствие карательной военной операции грузинских властей в Осетии, а также желание России продемонстрировать свою способность быть глобальным игроком и существенно влиять на мировой порядок. С другой стороны, Москва упрекала Вашингтон в двойных стандартах в случае с Косово, при этом воспользовалась им же как прецедентом для южнокавказских республик.

Кроме того, “особым случаем” в российской внешней политике следует назвать и Палестину, независимость которой была признана Советским Союзом в 1988 году. При этом, данное образование суверенным государством фактически не является, а в Концепции внешней политики России в редакции 2013 года отмечалась необходимость “создания независимого палестинского государства”³⁷.

Таким образом, вырисовывается первая отличительная черта российской политики в

отношении сецессионистских образований, определяемая, прежде всего, геополитическими и геостратегическими интересами и вопросами глобальной и региональной безопасности: особые позиции в отношении Косово, Южной Осетии, Абхазии, Палестины.

В качестве второй особенности выступает приоритетность постсоветского пространства. Как отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 года, сотрудничество со странами СНГ является приоритетным региональным направлением для Москвы³⁸ и приобретает еще большую ценность сегодня в контексте ЕАЭС. Другими словами, постсоветскому пространству принадлежит ключевая роль в определении российских внешнеполитических позиций. Понимая проблемы, с которыми сталкиваются государства с ограниченным признанием, и, уделяя особое внимание сложному периоду преобразований в Новороссии, Москва пытается сохранить баланс в отношениях с государствами постсоветского пространства. Так, она может усилить свое влияние на постсоветском пространстве за счет пророссийски настроенных сецессионистских образований (Приднестровье, Луганская и Донецкая Народные Республики и т.д.), но в то же время Москве необходимо сохранять влияние и на региональных партнеров в лице признанных членов мирового сообщества, которые как раз и сталкиваются с проблемой сепаратизма, поэтому любые шаги в данном направлении должны тщательно обдумываться, особенно, учитывая тот факт, что ни один из них не

³⁶ См.: Цыганков П.А. После кавказского кризиса: мировой порядок и внешняя политика России // Вестник Московского университета. Серия 18: социология и политология. 2009. No. 1. С. 29-32. [Tsygankov, P.A. Posle kavkazskogo krizisa: mirovoi poryadok i vneshnyaya politika Rossii (World Order and Russian Foreign Policy after the Crisis in August 2008) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: sotsiologiya i politologiya*, 2009, No. 1, pp. 29-32.]

³⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6BZ29/content/id/2542248 [Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V.Putinyim 30 noiabria 2016 (Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on February 12, 2013) / Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6BZ29/content/id/2542248]

³⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6BZ29/content/id/2542248 [Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V.Putinyim 30 noiabria 2016 (Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on February 12, 2013). Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6BZ29/content/id/2542248]

одобрил позицию России по Южной Осетии и Абхазии.

Здесь очевидна третья особенность российской политики: осторожность и относительная сдержанность в отношении государств с ограниченным признанием. Она выступает подтверждением заявленной последовательности и прагматичности российской внешней политики в целом, что может быть объяснено следующими причинами. Во-первых, и весьма хрупкое СНГ может быть разрушено любым опрометчивым политическим действием; во-вторых, – особой значимостью двусторонних отношений с Азербайджаном, Молдовой, Турцией и т.п., которые могут быть омрачены неосторожными мерами или высказываниями; в-третьих, нежеланием России усложнять и без того противоречивые отношения с Западом; в-четвертых, потенциальной возможностью активизации сепаратизма на территории России; в-пятых, сохраняющейся приверженностью Москвы верховенству международного права и недопустимости ревизии его основополагающих принципов или их ситуационного толкования.

Такая последовательность и осторожность во внешней политике, однако, имеет уже три исключения в лице Южной Осетии и Абхазии.

Четвертая особенность российской политики в отношении сецессионистских образований заключается в поиске баланса между позицией жесткого непризнания и попытками побудить мировое сообщество оказать помощь и содействие жителям непризнанных государств, которые сталкиваются с экономической изоляцией, нарушением их прав и т.д. Кроме того, Россия призывает в обязательном порядке учитывать интересы всего местного населения при принятии решений в рамках конфликтного урегулирования, поощряет вывод из изоляции (например, в отношении Кипра³⁹).

³⁹ О визите Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Республику Кипр. 10.12.2007 / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/cy/-/asset_publisher/wslw4pBwxwex/content/id/354782. [О визите Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Республику Кипр 10.12.2007 (Visit to the Republic

Summiryaya vyshе skazannoye, možno priyti k vyvodu, što Rossiya v celom v svoix pozitsiyax priderzhivaetsya, skorее, geopoliticheskogo podhoda v otnoshenii bolshinstva secessionistskix obrazovaniy, odnako v sluchae s Kosovom, Palestinoй i yuzhno kavkazskimi respublikami ee podhod možno nazvatъ pravovym, hotya, bezuslovno, v kazhdом konkretnom sluchae uchityvayutsya istoricheskiye traditsii, osobennosti mezh gosudarstvennykh otnosheniy i spetsifika konfiguratsii miropoliticheskikh obstoyatelstv i protsessov.

Прогнозы и выводы

Исходя из выявленных особенностей внешней политики Москвы в отношении государств с ограниченным признанием, можно предложить два возможных сценария дальнейшего развития событий в рамках изучаемой проблемы.

Первый сценарий предполагает сохранение Россией приверженности принципам территориальной целостности и нерушимости государственных границ согласно Хельсинскому Заключительному акту СБСЕ и, таким образом, отказа от территориальных перемен. Тем самым сохранялись бы конфликтные ситуации с сецессионистскими образованиями на Балканах, Кавказе и в других регионах мира, если бы, конечно, участники территориальных споров не договорились сами, а мировое сообщество, включая Россию, одобрило бы эти договоренности. Выжидательная позиция Москвы, формулируемая словосочетанием “договоритесь сами, а мы поддержим”, в условиях, когда найти компромисс в “играх с нулевой суммой” практически невозможно, еще надолго законсервировала бы многие конфликтные ситуации.

Согласно второму возможному варианту развития событий хотя бы одно из сецессионистских образований постсоветского

of Cyprus of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, Sergey Lavrov 10.12.2007). Official site of The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Mode of access: http://www.mid.ru/ru/maps/cy/-/asset_publisher/wslw4pBwxwex/content/id/354782.]

пространства может стать частью России вслед за Крымом. Подобная мера могла бы неизбежно привести к новой волне санкций и обвинений Москвы в империализме и агрессивности, росту антироссийских настроений, а мировое сообщество вряд ли единодушно одобрило бы такую акцию. Не исключено, что она спровоцировала бы и новый виток сепаратизма в мире.

На практике универсальная реализация лишь одного из двух предложенных сценариев в отношении всех сепаратистских образований не продуктивна и не учитывает их специфики и сопряженных интересов. Таким образом, России было бы логично продолжать политику рассмотрения каждого случая государства с ограниченным признанием в индивидуальном порядке. Такой подход видится более гибким, последовательным и плодотворным. Более того, Россия, как никто иной, имеет богатейший опыт в области сдерживания сепаратизма и восстановления легитимной власти на территории сепаратистских образований. Также, признание независимости южнокавказских республик едва ли можно трактовать как начало некой трансформации позиции России в отношении фактических сепаратизмов, поскольку на практике Москва продолжает демонстрировать последовательность и политику непризнания, в том числе, в отношении пророссийски настроенных Новороссии и Приднестровья, сохраняя приверженность принципам территориальной целостности и нерушимости государственных границ Украины и Молдовы соответственно. Кроме того, в отношении Южной Осетии и Абхазии Кремль долгие годы придерживался тех же принципов до тех пор, пока Тбилиси не принял меры, поставившие под угрозу жизнь российских граждан. Устойчивую последовательность в непризнании Россия сохраняет и в отношении образований в иных регионах в силу тех или иных особенностей.

Другими словами, в действенном размораживании этнотерриториальных конфликтов посредством эффективной индивидуализации каждого из них, видится путь устранения из жизни мирового сообщества постоянного ожидания тревожных событий, червотых новыми кровопролитиями.

Литература:

- Антонова И.А.* Политологический анализ позиции Российской Федерации в отношении конфликтов в Косово и на Кипре. Дисс. канд. полит. наук. СПб. 2013. 208 с.
- Галинский Я.О.* Политический статус Приднестровской Молдавской Республики и ее политических институтов // *Власть*. 2018. № 2.
- Добронравин Н.А.* Непризнанные государства в “серой зоне”: основы выживания и правила суверенизации. Санкт-Петербург, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 56 с.
- Добронравин Н.А.* Новые регионы и внешняя политика непризнанных государств / под ред. В.С. Ягья, М.Л. Лагутиной. СПб.: СПбГУ, 2011. Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Выпуск 5. С. 62-71.
- Кандель П.Е.* Косовский прецедент и постсоветские конфликты // *Актуальные проблемы Европы*. 2009. № 3. С. 19-38.
- Караганов С.* Россия берет // *Россия в глобальной политике*. 7 марта, 2011. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Rossii-vezet-15132>
- Климашевская О.В.* Столкновение политических феноменов: право на самоопределение народа и территориальная целостность государства // *Власть*. 2018. № 2.
- Кузнецов А.С.* “Надкусенный суверенитет”: проблема категории “суверенитет” // *ПОЛИТЭКС*. 2006. № 3. Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/264/30/>
- Никонов В.А.* Россия в поиске места в мире // *Вестник РАМИ*. 2001. № 2.
- Попов Ф.* От “безгосударственной территории” к “государству де-факто” // *Международные процессы*. 2011. № 2. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/003.htm>
- Сквозников А.Н.* Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности // *Вестник Самарской гуманитарной академии*. Серия: право. 2011. № 2.
- Цыганков П.А.* После кавказского кризиса: мировой порядок и внешняя политика России // *Вестник Московского университета*. Серия 18: социология и политология. 2009. No. 1. С. 29-32.
- Шлыков П.В.* «Исламское государство» как вызов нормативности западной модели общественного и государственного устройства // *Актуальные проблемы Европы*. 2016. № 3.
- Caspersen, N.; Stansfield, G., eds.* Unrecognized States in the International System / Unrecognized States in the International System. New York, Routledge, 2011. 253 p.
- Clunen, A.; Trinkunas, H.* Ungoverned Spaces: Alternatives to State Authority in an Era of Softened Sovereignty. Stanford, Stanford Security Studies, 2010, 324 p.
- Howard, T.* The Tragedy of Failure: Evaluating State Failure and Its Impact on the Spread of Refugees, Terrorism and War. Santa Barbara, Praeger, 2010. 156 p.
- Lamb, R.D.* Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens. Final Report of the Ungoverned Areas Project Prepared for the Office of the Under Secretary of Defense for Policy, 2008. Mode of access: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA479805>
- Lynch, D.* Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Washington, United States Institute of Peace, 2004, 170 p.

Pegg, S. The Impact of De Facto States on International Law and the International Community. Mode of access: <http://www.unpo.org/images/professor%20scott%20pegg.pdf>

Popescu, N. Europe's Unrecognised Neighbours: The EU in Abkhazia and South Ossetia. CEPS Working Document No. 260. March 2007. Mode of access: <http://www.ceps.eu/book/europes-unrecognised-neighbours-eu-abkhazia-and-south-ossetia>

Rabasa, A.; Borazm S.; Chalk, P.; Cragin, K.; Karasik, T.W. Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks. RAND Corporation, Santa Monica, 2007, 398 p. Mode of access: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2007/RAND_MG561.pdf

Rotberg R. Failed States in a World of Terror // *Foreign Affairs*, July-August, 2002. Mode of access: <http://ebookbrowse.com/rotberg-failed-states-in-a-world-of-terror-foreign-affairs-pdf-d46515683>

Stanislavsky, B.H. Mapping Global Insecurity // *The National Strategy Forum Review*, 2010, Vol. 19, No. 4.

References:

Antonova, I.A. Politologicheskij analiz pozicii Rossijskoj Federacii v otnoshenii konfliktov v Kosovo i na Kipre. Diss. kand. polit. nauk (Russian Federation Stance towards Conflicts in Kosovo and Cyprus. Political Analysis. PhD Diss. (Political Science)). St.Petersburg, 2013, 208 p.

Caspersen, N.; Stansfield, G., eds. Unrecognized States in the International System / Unrecognized States in the International System. New York, Routledge, 2011. 253 p.

Lumen, A.; Trinkunas, H. Ungoverned Spaces: Alternatives to State Authority in an Era of Softened Sovereignty. Stanford, Stanford Security Studies, 2010, 324 p.

Dobronravina, N.A. Nepriznannye gosudarstva v "seroi zone": osnovy vyzhivaniya i pravila suverenizatsii (Unrecognized States in the Shadow: Survival and Sovereignization). St.Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2011. 56 p.

Dobronravina, N.A. Novye regiony i vneshnyaya politika nepriznannykh gosudarstv (New Regions and Foreign Policy of Unrecognized States) // *Aktual'nye problemy mirovoj politiki*. Ed. by V.S. Yagya, M.L. Lagutina. St.Petersburg: Saint Petersburg State University, 2011, pp. 62-71.

Galinskii, I.O. Politicheskii status Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki i ee politicheskikh institutov (Political Status of the Pridnestrovian Moldavian Republic and Its Political Institutions) // *Vlast'*, 2018, No. 2.

Howard, T. The Tragedy of Failure: Evaluating State Failure and Its Impact on the Spread of Refugees, Terrorism and War. Santa Barbara, Praeger, 2010. 156 p.

Kandel, P.E. Kosovskii pretsedent i postsovetskie konflikty. (Kosovo Precedent and Conflicts at Postsoviet Area) // *Aktual'nye problemy Evropy*, 2009, No. 3, pp. 19-38.

Karaganov, S. Rossii vezet (Russia is Lucky) // *Rossiya v global'noi politike*, 7.03.2011. Mode of access: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Rossii-vezet-15132>

Klimashevskaja, O.V. Stolknovenie politicheskikh fenomenov: pravo na samoopredelenie naroda i territorial'naja tselosnost' gosudarstva (The Clash of Political Phenomena: the Self-Determination of the People and the Territorial Integrity of the State) // *Vlast'*, 2018, No. 2.

Kuznetsov, A.S. "Nadkushennyi suverenitet": problema kategorii "suverenitet" (Limited Sovereignty: an Issue of

the Categorization). *POLITEKS*, 2006, No. 3. Mode of access: <http://www.politex.info/content/view/264/30/>

Lamb, R.D. Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens. Final Report of the Ungoverned Areas Project Prepared for the Office of the Under Secretary of Defense for Policy, 2008. Mode of access: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA479805>

Lynch, D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Washington, United States Institute of Peace, 2004, 170 p.

Nikonov, V.A. Rossiia v poiske mesta v mire (Russia in a Search of its World Status) // *Vestnik RAMI*, 2001, No. 2.

Pegg, S. The Impact of De Facto States on International Law and the International Community. Mode of access: <http://www.unpo.org/images/professor%20scott%20pegg.pdf>

Popescu, N. Europe's Unrecognised Neighbours: The EU in Abkhazia and South Ossetia. CEPS Working Document No. 260. March 2007. Mode of access: <http://www.ceps.eu/book/europes-unrecognised-neighbours-eu-abkhazia-and-south-ossetia>

Popov, F. Ot "bezgosudarstvennoi territorii" k "gosudarstvu de-fakto" (From Ungoverned State to De Facto State) // *Mezhdunarodnye protsessy* // 2011, No. 2. Mode of access: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/003.htm>

Rabasa, A.; Borazm S.; Chalk, P.; Cragin, K.; Karasik, T.W. Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks. RAND Corporation, Santa Monica, 2007, 398 p. Mode of access: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2007/RAND_MG561.pdf

Rotberg R. Failed States in a World of Terror // *Foreign Affairs*, July-August, 2002. Mode of access: <http://ebookbrowse.com/rotberg-failed-states-in-a-world-of-terror-foreign-affairs-pdf-d46515683>

Shlykov, P.V. «Islamskoe gosudarstvo» kak vyzov normativnosti zapadnoi modeli obschestvennogo i gosudarstvennogo ustroystva (The Islamic State as a Challenge to the Western Model of Social and Political Order) // *Aktual'nye problemy Evropy*, 2016, No. 3.

Skvoznikov, A.N. Fenomen nepriznannykh i chastichno priznannykh gosudarstv i osobennosti ikh pravosub'ektnosti (Phenomenon of Unrecognized and Partially Recognized States and Main Features of Their Legal Capacity) // *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: pravo*, 2011, No. 2.

Stanislavsky, B.H. Mapping Global Insecurity // *The National Strategy Forum Review*, 2010, Vol. 19, No. 4.

Tsygankov, P.A. Posle kavkazskogo krizisa: mirovi poryadok i vneshnyaya politika Rossii (World Order and Russian Foreign Policy after the Crisis in August 2008) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: sotsiologiya i politologiya*, 2009, No. 1, pp. 29-32.

STATES WITH LIMITED RECOGNITION IN RUSSIAN
FOREIGN POLICY: COMPARATIVE ANALYSIS OF KEY FEATURES

Vatanyar S. Yagya

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

Irina A. Antonova

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 26.07.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 03.08.2020</p>	<p>Abstract: The main goal of the paper is to reveal, to compare and to summarize the essence of Russian political approaches toward particular cases of states with limited recognition and also to define in global scale whether the stance undergoes transformation or it could be considered as an attitude unique in each special matter when Moscow simultaneously supports independence of South Caucasian Republics and does not recognize Kosovo. The authors believe that there is strong need for Russia of an elaborated strategy based on a robust academic research. The authors outline two de-facto approaches to secessionist formations practically applied by contemporary members of international society: international law approach and geopolitical approach. Summing up all the peculiarities of Russian position they assert that Moscow mostly keeps to geopolitical approach towards factual secessions rather international law approach, but in case of Kosovo, Palestine, South Ossetia and Abkhazia it resorts to international law approach. The authors also provisionally divide all contemporary secessionist formations in Russian policy into three groups according to priority ranking and provide results of a detailed content-analysis of Russian foreign policy formal documents and politicians statements that reveal a wide range of appellations concerning secessionist formations. The characteristics testify the fact that Russia strictly keeps to the position of territorial integrity principle respect. Finally, the authors produce two forecasts of further Russian policy towards factual secessions and conclude that Russian policy of consideration each factual secession should continue being individual as fruitful, consistent, deliberate and ensuring more profitable conditions in the context of international cooperation and security.</p>
<p>About the authors:</p> <p><u>Vatanyar S. Yagya</u>, Professor, Head of the Department of World Politics, St. Petersburg State University, Honored Scientist of the Russian Federation</p> <p>e-mail: v.yagya@spbu.ru</p> <p><i>Anastasia S. Pyatachkova</i>, Associate Professor, Department of World Politics, St. Petersburg State University, Faculty of International Relations</p> <p>e-mail: ira-antonova@mail.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>states with limited recognition; unrecognized states; diplomatic recognition; secessionist formations; Russian foreign policy; territorial integrity; right to self-determination</p>	

Для цитирования: Ягья В.С., Антонова И.А. Государства с ограниченным признанием во внешней политике Российской Федерации: сравнительный анализ основных черт // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 4. – С. 92-105.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10051

For citation: Yagya, Vatanyar S.; Pyatachkova, Anastasia S. Gosudarstva s ogranichennym priznaniyem vo vneshney politike Rossiyskoy Federatsii: sravnitelny analiz osnovnykh chert (States with Limited Recognition in Russian Foreign Policy: Comparative Analysis of Key Features)// *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 92-105.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10051